

10.

...Мы играли вам на свирели, и вы не плясали;
мы пели вам печальные песни, и вы не рыдали.

Евангелие от Матфея 11:17

Сомнений нет – весьма значительная часть человечества продолжает творить зло – или, пользуясь нашим определением, медлит принять человеческий облик. И столь же несомненно, что человек по-прежнему остаётся способен на проявления абсолютно бескорыстного добра. Это существо, постоянно принимающее решение: что же оно такое. Но вот это устойчивое тяготение сынов Божьих к добру и есть единственное, о чем имеет смысл думать.

В вопросе «Зачем всё это» очень остро звучит персональный мотив. В сущности, это вопрос «зачем *мне* всё это?», попытка отыскать смысл своей жизни, создав цельный, непротиворечивый образ самого себя, не выходя за рамки собственных ощущений, которые в данный момент переполнены страданием. «Подобно тому как бумеранг возвращается к бросившему его охотнику, лишь если он не попал в цель, так и человек возвращается к самому себе и обращает свои помыслы к самореализации, только если он промахнулся мимо своего призвания...», - писал переживший нацистский концлагерь психолог Виктор Франкл.

Но *заставить* его обрести смысл нельзя.

Никого нельзя заставить прислушиваться к совести.

Никого нельзя заставить обратиться за помощью к искусству.

Человек, в основном, доволен своей жизнью. А то, чем бывает иногда недоволен, он, как ему кажется, вполне в силах исправить сам.

Почему бы не оставить его в покое?

И кто мы, собственно, такие, чтобы сомневаться в справедливости такого положения вещей? Что такое нам известно, что свидетельствовало бы о неблагоприятности этого положения, что не даёт покоя нам?

Вот что.

Весь сонм гениев человеческого творчества, кричащего о гармонии – и приглушённая, не соответствующая пронзительности этого клича реакция человечества. Великие произведения искусства, ошеломляющие открытия науки, глубокие откровения философской мысли – они ведь рождаются не зря и свидетельствуют о необъятных глубинах человеческого духа. И непонятно, необъяснимо нежелание человека услышать и вместить этот зов.

Может быть, это страх предчувствия, что, вместив, он вынужден будет осознать свои, неведомые ему до сей поры возможности и, не дай Бог, реализовать их. Он ведь видит, на какие умопомрачительные зверства способен их употреблять. Разве не опасно было бы эти возможности расширить до бесконечности?

Но это «don't rock the boat» и «как бы чего не вышло...» грозит умертвить живую человеческую душу. Сам себе продемонстрировав собственные разрушительные способности, человек оробел, оставив себе лишь внешнюю свободу развивать то, что уже существует, чем, худо-бедно, научился управлять. И остаётся глух к призывам, обращённым к самой его сущности, к его совести и сердцу. Мы не строим дом, ибо презрели тот камень, который должен был бы встать во главу угла.

Мы даже ухитрились создать наш собственный, редуцированный вариант Мессии.

Как заметил Джордж Оруэлл, всё шире распространяется мнение, что «неучастие», то есть, некоторая отстранённость от повседневности, обычно связываемая с просветлением и ярче всего выраженная у буддистов – лучше полного приятия земной жизни, и что избегает этого пути обыкновенный человек только из-за его трудности. Другими словами, что рядовой человек – это несостоявшийся святой. А затем, предлагая своё видение ситуации, он утверждал, что многие люди как раз искренне не хотят быть святыми, и, возможно, некоторые из тех, кто достиг святости или стремится к ней, *никогда не испытывали сильного искушения быть людьми.*

По мнению Оруэлла, главным мотивом «неучастия» может быть желание уберечься от страданий жизни и, прежде всего, от любви, ибо любовь – тяжелый труд. И тогда немудрено, что их не особенно заботят проблемы человеческого опыта во всей его сложности и полноте. Они следуют прямоком к просветлению, достигнув которого, мы перестаём придавать особое значение тому, что с нами случается в жизни, и уберігаем себя от страданий и, прежде всего, от любви. Обожглись, так сказать. А ведь на этом построены все так называемые современные духовные движения, и популярность их огромна. Остальные же искренне не помышляют о святости. Но многие и о человечности не помышляют.

Когда я думаю о Библейском «не упоминай имя Господа всуе», мне слышится в этих словах не столько запрет, сколько совет, напутствие.

Мир, в котором мы существуем, вовсе не враждебен нам, он лишь устроен на определённых принципах. Если скрытое от нас Бытие лежит в основе всего сущего, а не является лишь развлечением, приятным и бесплатным подарком нашему несовершенству – у нас должны быть перед ним обязательства. Перекладывая выполнение этих обязательств на других, более совестливых, человек изымает себя из уравнения. И тогда «упоминание всуе» – это действительно пустые слова, которые можно истолковать, как «да, да, может быть, что-то там есть, но это не для нас». Бытие отвечает: «Очень хорошо. Дело ваше. Не сетуйте, однако, если у вас ничего не выйдет. Созданы вы не такими».

Из этого, собственными руками созданного ощущения богооставленности и рождается обычно вопрос «зачем всё это»?

Так можно ещё долго жить, атрофируя постепенно чувствительность сердца и совести, утрачивая особенности, которые отличают человека от остального природного мира, сливаясь с окружающей средой (от которой тоже будет оставаться всё меньше и меньше), и обесценивая Творение, которое вероятно возобновится где-то, но уже без нас. Винить в этом будет некого, кроме самих себя. Шанс нам был предоставлен, и именно об этом нам без усталости, до самого конца продолжают кричать гении – они-то этот шанс используют до конца, какой бы печальной ни оказывалась иногда их собственная судьба.

В Соединённых Штатах есть программа Общественного радио, которая двадцать четыре часа в сутки передаёт классическую музыку. Такое вещание требует немалых денег и существует эта станция отчасти на правительственную субсидию, но в основном на пожертвования различных организаций, предприятий и отдельных граждан. Рекламы в этих передачах практически нет, если не считать рекламой имена меценатов. Но учитывая своеобразие аудитории, трудно предположить, что такая реклама рассчитана на какую бы то ни было экономическую продуктивность.

Устойчивое присутствие в эфире этой программы является для меня абсолютной экзистенциальной загадкой. Только если поверить, что за её деятельностью внимательно следит и всячески её опекает всесильная Октава, невидимый Восьмой день, терпеливо ожидающие, чтобы мы эту музыку услышали, можно избавиться от недоумения.

Но ведь и симфонии, и сонаты, и квартеты – тоже эфемерны, даже их нотная запись – нема. Однако, что-то заставляет музыканта их читать и воспроизводить в звуке. Такова заложенная в них требовательная энергия встречного творчества. Такова же отчасти богоподобная роль драматурга. Можно найти элемент такой требовательной энергии и в поэзии – с явной тенденцией к звучанию, к переходу в новую художественную форму.

Пользуясь языком символов, можно сравнить идею мироздания с ещё бесформенной, но полной потенциальной идеей симфонии, которая могла бы оказаться не записанной, не исполненной и не услышанной. Но она была написана и уже исполняется – не всегда лучшими оркестрами. И иногда остаётся не услышанной...

В этой же стране родился термин «музыка обоев» – “wallpaper music” или даже уродливое и непере译имое “muzak” – подобие минималистских композиций, непрерывно звучащих в лифтах, в приёмных врачей, магазинах и других общественных местах. Предполагается, что она действует умиротворяюще и не требует особого к себе внимания. Это следующий шаг по направлению к тьме бесчувствия. Боюсь, что для многих и круглосуточная программа классической музыки часто становится такими обоями, незаметно присутствующими на заднем плане.

Человек слишком много знает и научился подстраивать к своему знанию всё, с чем приходится встречаться ежедневно. И если оно хоть отчасти непохоже на то, что было вчера, он уверен, что это пройдёт, что скоро всё будет по-прежнему. Как надо. Такая надежда мешает человеку интенсивно воспринять то, что есть. Волнение он откладывает на завтра.

Мы тоже переносим на завтра продолжение разговора, но, по крайней мере, мы сумели договориться, что не пропустим это «завтра» и попробуем ещё раз себя испытать в течение считанных минут.

«Блаженны плачущие, ибо они утешатся», - говорил Тот, Кого мы распяли.

Если видеть в «утешении» не столько успокоение, угашение страдания, сколько обретение смысла, об утрате которого мы, собственно, и проливаем слёзы, можно прочитать это с конца: чтобы «утешиться», то есть обрести истинный смысл творения, бытия и существования, необходимо так разволноваться, чтобы заплакать.

Проблема поставленная трагедией – это, в сущности, проблема становления человека, полагающая его обычное, знакомое нам существование, которое мы не задумываясь называем человеческим – всего лишь рабочим процессом, а результатом – вхождение его в человеческое измерение. Это нам надо сейчас иметь в виду, чтобы в разных обстоятельствах по крайней мере не затягивать узел туже и не порождать новых трагических коллизий, чтобы восстановить порванную нами связь времен – или, скорее, дать ей восстановиться с наименьшими потерями.

Преисторические рыбы не предполагали, что могут оказаться способными жить на суше и даже не знали о её существовании. Их заставила выбраться на берег перемена природных обстоятельств, так же как позднее вынудила отрастить крылья и подняться в небо.

Но они не обладали сознанием, и им приходилось дожидаться, пока их вынудят к преобразению природные условия. Сама возможность преобразования предполагалась всегда.

Что может вынудить самолёт продолжать развезжать по аэродрому, как автомобиль, и отказываться взлететь – вопрос, достойный восьми картезианских минут.

Пожалуй, это всё, что я смогу сказать.

На этот раз я оставляю вас раньше времени. Вы уж как-нибудь постарайтесь провести эту следующую минуту, не уклоняясь от размышлений.